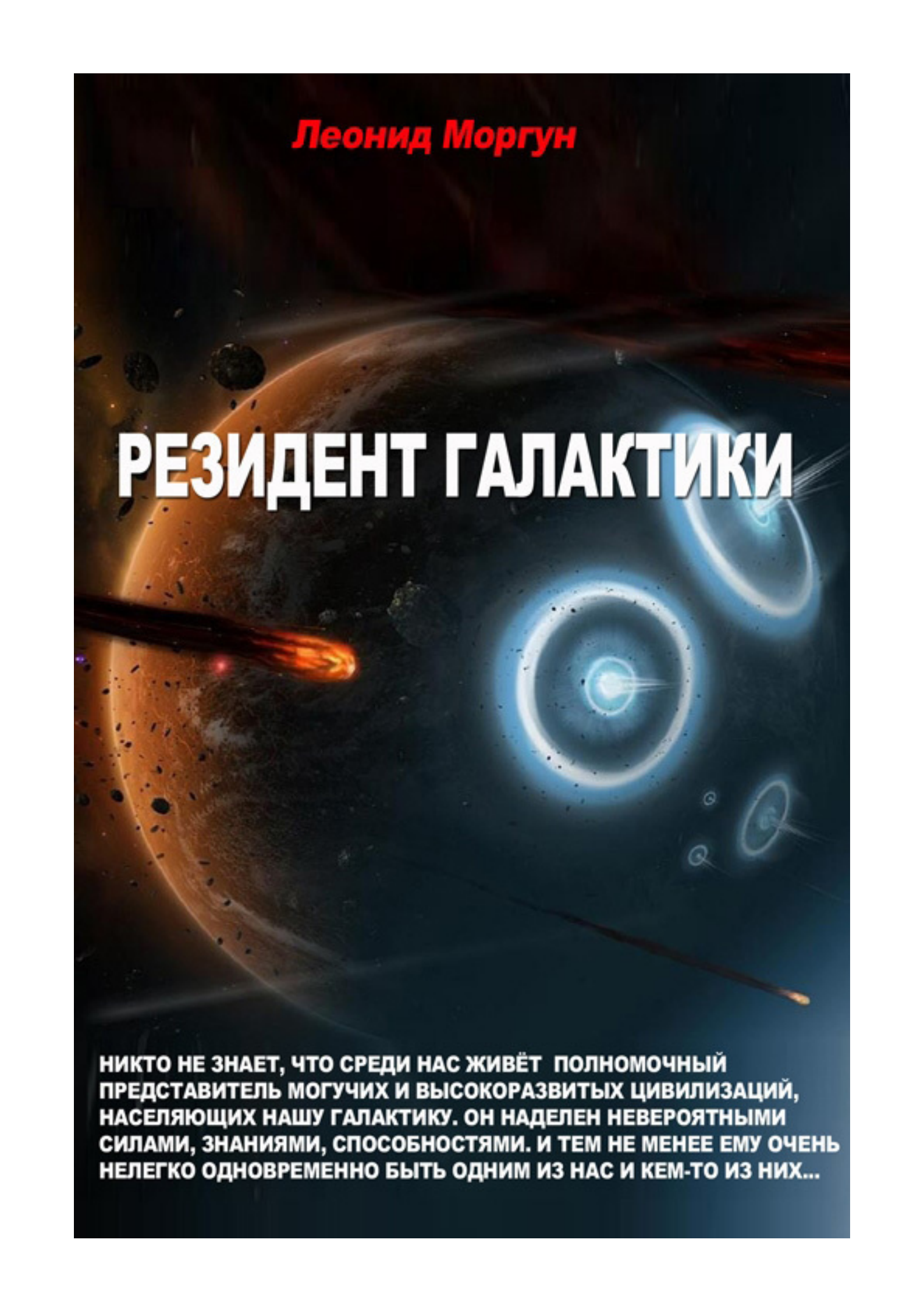

Леонид Моргун

РЕЗИДЕНТ ГАЛАКТИКИ

НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЧТО СРЕДИ НАС ЖИВЁТ ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МОГУЧИХ И ВЫСОКОРАЗВИТЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ, НАСЕЛЯЮЩИХ НАШУ ГАЛАКТИКУ. ОН НАДЕЛЕН НЕВЕРОЯТНЫМИ СИЛАМИ, ЗНАНИЯМИ, СПОСОБНОСТЯМИ. И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЕМУ ОЧЕНЬ НЕЛЕГКО ОДНОВРЕМЕННО БЫТЬ ОДНИМ ИЗ НАС И КЕМ-ТО ИЗ НИХ...

Леонид Моргун

Резидент галактики

«Остеон-Пресс»

1988

Моргун Л. И.

Резидент галактики / Л. И. Моргун — «Остеон-Пресс» ,
1988

На планете Земля проживают семь миллиардов разумных существ, именующих себя людьми. Земляне едят, спят, работают, любят. И никто не знает, что один из них – полномочный представитель могучих и высокоразвитых цивилизаций, населяющих нашу Галактику. Он наделен невероятными силами, знаниями, способностями. И тем не менее ему очень нелегко одновременно быть одним из нас и кем-то из них, нести ответственность за все человечество, за его настоящее и будущее, за то, что происходит на нашей планете сейчас и что может произойти в любую минуту...

Содержание

I. Быть чем-то	5
II. Что-то и кто-то	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леонид Моргун

Резидент галактики

Современная сказка

І. Быть чем-то

Одного из них звали Уирк'еег. Другого – Ларг#iig. Разумеется, в своих родных ипоста-
сах они имели иные имена. Один обозначался комбинацией микроволнового излучения, дру-
гой – определенным сочетанием фотонов. Выразить эти имена колебаниями воздуха было
нелегко. Они и не пытались это сделать, а вели разговор, напрямую воздействуя на био-
токи человеческого мозга, которые перевоплощались в мысли. При желании Уирк и Ларг,
конечно, могли бы придать себе вид, привычный человеческому взгляду. Но, будучи рацио-
налистами, они не сочли необходимым тратить время и энергию на мимирию.

Поэтому один из них плавал в воздухе, лениво колыхаясь, подобный тяжелому сизова-
тому облаку, напущенному десятком курильщиков за долгим застольем. Другой искрился и
радужно мерцал потоками света, лившимися с потолка.

Они вели долгий, беззвучный диалог с человеком в старом, продавленном кресле, без-
вольно опустив руки на подлокотники.

– Я еще раз повторяю, – вещал Уирк, – мы выбрали вас из миллионов особей. Выбор
наш согласован с высшими инстанциями, одобрен руководством, и мы не собираемся его
менять.

– Но почему вы не спросили об этом меня? – вздрогнул человек.

– Потому что считаем подобное предложение высокой честью для представителя пла-
нетарной цивилизации. Мы рассчитываем, что вы с должной покорностью и усердием отне-
сетесь к вашей высокой миссии...

– Странно... – пробормотал человек. – Почему вы избрали для этой цели меня?

– По целому ряду причин. В частности, первое. Вы – одинокая и независимая личность.
Второе. Вас не волнуют мысли и заботы, которые занимают большинство ваших сородичей.
Третье. Вы рационалист, обладающий математическим складом ума. Четвертое. Ваше чут-
кое и гибкое сознание легко входит в контакт с нами. Пятое, исходящее из четвертого – вы
обладаете способностями к транстипизации. Шестое и последнее. Подсознательно вы уже
были готовы к контакту с нами. Полагаю, этого достаточно.

– Вы не учли одного, – нервно выпрямился человек. – Я люблю свою родину...

– Кажется, мы в нем ошиблись, – нервно замерцал Ларг.

– Вы, видимо, не совсем хорошо представляете себе, с кем имеете дело, – нетерпеливо
объяснял Уирк. – Нам нет никакого дела ни до вашей страны, ни до каких-либо секретов, а
тем более вооружений. Нам также нет дела до других, третьих, пятых стран, их политики,
идеологии и взаимоотношений. Нас интересует планета в целом.

– Но ведь я тоже землянин! Я – сын своей планеты. И если вы замышляете против нас
недоброе...

– Мы против вас?! – сверкнул Ларг. – Это вы готовите катастрофу галактического мас-
штаба!

Мы высчитали все возможные варианты, ожидающие вашу планету в будущем, – ска-
зал Уирк. – Если на ней произойдет термоядерная война, то самое худшее, что может после-
довать в результате мгновенного взрыва всех ваших ядерных арсеналов – это разлом земной
коры. В ее ядре начнутся необратимые процессы, которые приведут к превращению ее в

новую звезду. Ее взаимодействие с Солнцем приведет к взрыву Сверхновой. Вы представляете, чем это грозит нам? Взорвите в своей квартире чемодан динамита, а потом справьтесь о самочувствии соседей по площадке.

– Откуда вы?.. С Альфы Центавра?

– Не ваше дело, – сердито оборвал его Ларг. – Мы – те, кто желает вам добра.

– А в лучшем случае, – продолжал Уирк, – взрывая свои ядерные заряды постепенно, вы просто уничтожите все живое на планете, а немногим оставшимся в живых придется начинать отсчет развития с нуля. И колесо они изобретут еще не скоро. Мы же заинтересованы в том, чтобы вы успешно развивались. Пройдет еще несколько сотен лет, и вы выйдете к ближним звездам. Мы примем вас в члены Ассоциации Галактических Цивилизаций. Вы будете присутствовать в Совете Миров, иметь свои права и, разумеется, обязанности. Нам, в конце концов, вовсе небезразлично, кто будет охранять границы Галактики.

– Так ее еще надо и охранять? – заинтересовался человек. – А от кого?

Уирк замялся, но в помощь ему нетерпеливо полыхнул Ларг:

– Всякую собственность необходимо охранять. Мы никому не угрожаем, но должны быть всегда готовы к защите интересов, как своих, так и союзнических. Поэтому нам нужна сильная, технологичная, стремительно развивающаяся Земля, поэтому мы стараемся не допустить войны на термоядерном уровне.

– А знаете, у меня есть план! – оживился человек. – Что, если вы придете к нам и потребуете немедленного разоружения?

– Ультиматум? Хорошо, – согласился Ларг. – Представьте себе, что наши корабли опустятся в пределах вашей страны...

– Но почему же именно нашей? – заволновался человек.

– Нам все равно, с кого начинать. Мы рассматривали этот вариант. И решили, что первым и самым естественным движением любого правительства будет употребить свое оружие против нас. А наши корабли хоть и быстроходны, но не неуязвимы. Возможно, особенного вреда нам эта война не принесет, но породит подозрительность, надолго отравит наши взаимоотношения... Мы думаем, что Контакт невозможен, пока на вашей планете нет единства.

– А что, если я от вашего имени начну переговоры?..

– Когда потребуется, мы вас уполномочим. Ваше решение?

– Я не могу так сразу... – замялся человек. – Я... я должен п-подумать...

– Он еще будет думать! – неистово засиял Ларг. – Сейчас я сожгу его жидкие биопотенциалы и сделаю из него ходячего робота!

– Нам не хотелось бы прибегать к насилию, – сообщил Уирк. – И тратить время и энергию на поиски нового эмиссара. Вы показались нам умным человеком, готовым помочь своим собратьям найти выход из кризиса.

– Я всегда говорил, что для этой цели больше подходят сильные личности, – брюзжал Ларг.

– Пока что ваши сильные личности заливали планету кровью...

– Потому что вы постоянно мешали им своим контролем...

– Довольно! – громко сказал человек. – Я согласен. Что я должен буду делать?

На мгновение в комнате повисло молчание. Затем Уирк произнес:

– Пока ничего. Ваш прежний образ жизни нас вполне устраивает. Никаких особенных личных благ мы вам предоставить не сможем. Сразу предупреждаю, бессмертия – тоже. Связь с нами вы будете поддерживать через Фльйаргар-078. Он введет вас в курс дела, ознакомит с содержанием работы, обучит всему необходимому. Пока вы будете работать в одиночку. Со временем мы постараемся подобрать вам помощников. Немного потерпите, сейчас вы ощутите боль...

На мгновение у человека потемнело в глазах. Что-то сверкнуло в мозгу, зашло в макушке сверлящим холодком... отпустило.

– Теперь вы готовы к транстипизации. Будьте осторожны.

– И не вздумайте посвящать в это посторонних, особенно ваших ученых – пробурчал Ларг. – Сами понимаете, вас могут счесть умалишенным...

– Вы работаете под нашим постоянным контролем, – прибавил Уирк. – Каждое ваше движение, каждая ваша мысль будет нам известна. В случае опасности мы придем к вам на помощь. Итак, прощайте, время передачи подходит к концу. Возможно, вам будет трудно, но со временем вы будете щедро вознаграждены.

– Лично мне ничего не нужно.

– Я имею в виду не лично вас.

* * *

Все кончилось так же внезапно, как и началось. В какое-то мгновение происшедшее показалось ему невероятным, фантастическим сном, плодом горячего воображения, ночным кошмаром, безумием, бредом.

В комнате было неуютно. В ней по-прежнему царил давящий полумрак. И сырость. Уже десять лет, с тех пор, как они с матерью получили эту однокомнатную секцию, к стенам и потолкам жилища не прикасалась рука, вооруженная шпателем и кистью.

Мать, не вынеся хлопот и тревог, связанных с получением ордера и переездом, вскоре слегла и, проболев около года, скончалась, так и не встав с постели. Он же был до такой степени потрясен случившимся, что даже и не думал ничего менять после нее. Год за годом, день за днем, в половине шестого вечера он приходил в эту комнату, переодевался, садился в кресло... Как будто ждал чего-то.

И думал, думал о чем-то. Человек, заглянувший в его мысли, был бы потрясен открывшейся картиной, настолько бессмысленной и странной показалась бы она. И сознание его, и подсознание были заполнены невообразимой мешаниной цифр. Они выстраивались стройными колоннами, образовывали замысловатые фигуры, а порой попросту разбегались взаимодействуя друг с другом на разных уровнях. Задачи задавались сами собой и так же просто разрушались. В них математически отражался весь окружающий его мир. Сам себе человек казался жалкой единицей с крохотным, придавленным носиком. Рядом с ней довлел неодолимый минус, уносящий цифру в безысходную бесконечность, где эта единица никому и ничему не могла помешать. Этой бесконечностью была для него большая пустая комната, в которую он ежевечерне проваливался, как в громадную зияющую пропасть, с тем, чтобы утром вновь начать свои похождения в мире больших и малых величин. Соседи по дому, с которыми он мало общался, виделись ему длинным унылым рядом порядковых чисел. Скажем, подруга его матери, сердобольная дворничиха тетя Клава, походила на большую, добродушную, округлую восьмерку. Вечно пьяный Мишка с третьего этажа, который как-то починил ему кран и с тех пор регулярно являвшийся стрелять рубли до полочки, которая у него никогда не наступала, был острой и колючей четверкой. Шумные и крикливые дети соседей по площадке казались человеку взбалмошными, куда-то быстро катящимися тройками. На работе его начальница казалась ему степенной, неторопливой гусыней-двойкой. Директор завода, на котором работал этот человек, был в его представлении ничем иным, как здоровенным и жирным нулем, державшимся за крепко стоящую впереди единицу и потому превратившимся в десятку. Девочки из отдела казались человеку веселыми, резво порхающими пятерками с различными дробными добавлениями. Цифры прибавлялись друг к другу и убавлялись, сочетались в числа разных степеней влияния друг на друга и разрушались. Минус единица была их покорным рабом, прибавляя и отнимая угодные сильным

мира сего величины и расставляя их по различным полочкам, где они служили каждая своему назначению. Этим она, единица, занималась на работе, ежедневно, от восьми до пяти часов. Вечером же ее излюбленным занятием было математически моделировать окружающий мир и лукаво высчитывать, что произошло бы, если бы она (минус единица) принялась бы активно действовать, умножаясь и делясь на окружающие числа.

Это было забавное зрелище! Бесконечно большие, невероятно значимые числа становились микроскопически ничтожными и потому ненужными, они пренебрежительно отбрасывались в остатке. Десятки улетали в глухую бесконечность и пропадали во мгле. Отрицательные же величины, с которыми встречалась минус единица, под ее влиянием становились положительными и сверкали целомудренной целостностью. Да и сама единица, столкнувшись с суровым минусом, превращалась в прекрасную и могучую цифру Один, которая, умножаясь и делясь, никому не вредила, а лишь прибавляла числам значимость или убавляла спесь. Занятная это была игра и обычным людям недоступная.

В школе мой герой был отличником. Типичным очкастым заморышем, каких классные дамы ставят в пример нерадивым однокашникам. Но учился он через силу, не желая расстраивать нежно любимую мать плохими оценками. В возрасте десяти с половиной лет он, спасаясь от соседского мальчишки, гнавшегося за ним с портфелем («Бей четырехглазого!..») – радостно вопил он, и этот вопль долго еще трепетной болью отзывался в сердце жертвы), попал под машину. Череп треснул. Мало кто из врачей поручился бы, что он проживет более одного-двух дней. Но нашелся в больнице человек с пронизательными стальными глазами и холодными белыми руками, который произвел трепанацию, срастил раздробленные участки мозговой ткани – и мальчик ожил. Но стал совершенно другим. Исчезла в нем прежняя бойкость и смешливость, пропал веселый и задорный блеск черных, крупных глаз. Взгляд его потух и обратился внутрь себя. Он стал блестяще решать математические задачи, сразу выдавая ответы, не утруждая себя последовательным выписыванием формул. Ему прочили научное будущее, но увы! Творческая инициативная жилка напрочь утратилась. Он был прирожденным исполнителем.

Выполняя желание матери, он поступил в институт и так же примерно учился еще пять лет, закончив курс с красным дипломом. Мать не могла на него нарадоваться. Еще бы: каждая женщина могла бы только позавидовать ей, имеющей такого сына, спокойного, скромного, умного, грамотного, образованного, не пьющего и не курящего, не бабника какого-нибудь, а приличного молодого человека... Потом не столь уж и молодого. Потом и вовсе немолодого... Неизвестно, каким хотела видеть своего сына эта маленькая, некрасивая женщина, безработная и слабовольная, всю жизнь проработавшая лаборанткой в исследовательском институте; как и от кого она на сороковом году жизни решилась понести и родить его. Будьте уверены, не такой она мечтала видеть свою жизнь и своего сына в годы суровой, полуголовой юности. Невесты, которых она в одно время начала было приглашать, не волновали нашего героя, да и он их, прямо скажем, пугал. Таким образом он на тридцать девятом году жизни заживо похоронил себя на восьмом этаже в изолированном склепе с совмещенным санузелом и смердящим мусоропроводом у самой двери.

Если не принимать во внимание грохота рок-музыки, доносящегося с девятого этажа, вечных скандалов за стеной слева, рева младенцев за стеной справа и звуков нескончаемого ремонта на седьмом этаже, можно было бы сказать, что в комнате этой царила относительная тишина. Молчали стареющие ходики в виде кошачьей морды с бегаящими глазами, остановленные в скорбный час материнской кончины. Тихо, очень деликатно поскрипывал шкаф, в стародавние времена прозванный «славянским», угрюм и недвижим был его одностол. Порою чуть потрескивали обои, и то одна, то другая полосы отваливались и падали на пол. Тогда человек со вздохом вставал и принимался лепить их на стены силикатным клеем.

– Хозяин...

Он вздрогнул. Голос этот родился в нем самом и прозвучал в мозгу тихо и отчетливо.
– Хозяин, это я. Фляргар-078.

– Фля...

– Нет, после Л должно идти длительное смягчение, потом «йот»...

– Послушай, а нельзя ли назвать тебя как-нибудь попроще? – попросил он.

– Пожалуйста. Можете просто называть мой цифровой индекс.

Человек задумался. Пожалуй, индекс ему и в самом деле было проще представить, однако он никак не согласовывался с этим тихим, заботливым голосом из пустоты.

– А можно, я буду звать тебя просто... Ну, Фляр? Ты не обидишься?

– Как вам будет угодно, хозяин. Я нахожусь в полном вашем распоряжении. Мне поручено объяснить вам ваши способности и научить пользоваться ими. Это не так уж сложно, благо, в вас вживлена система транстипизации. Надо быть только очень осторожным.

Фляр был машиной. Умной, чуткой, доброжелательной, заботливой, но машиной. Или был заключен в машину за какие-то давние свои грехи, но не роптал, а честно и усердно работал. Уже сотни лет в его обязанности входил сбор, обработка и анализ информации о нашей планете. До последнего времени посильную помощь в этом ему оказывали крупные блюдцеобразные зонды, однако сейчас он избегал их посылать, довольствуясь тем, что поступало к нему на волнах электромагнитного излучения.

Неторопливо и методично он вылавливал и анализировал все радио- и телепередачи. Открытой книгой для него были коды посольств и армий, с одинаковой чуткостью его пеленгаторы улавливали радиопереговоры автоинспекторов на шоссе и пилотов сверхзвуковых истребителей. Вся сложнейшая система локаторов и электронный мозг были вмонтированы в одну из могучих гор на окраине кратере Коперника. И это составляло некоторое неудобство для общения. Днем связи не было, в новолуние передачи проходили плохо. Но в эту ночь связь была нормальной.

– Как вы понимаете, – говорил Фляр уже под утро, – мы не запрещаем вам приобретать любые жизненные блага. При желании вы можете напечатать себе какое угодно количество ваших денежных знаков.

– Благодарю. Это у нас считается преступлением.

– Не забывайте, что вы являетесь представителем не только вашей, но и нашей цивилизации.

– Ваши нравственные критерии позволяют совершать преступления?

– Смотря что считать преступлением. Порою несовершенство преступления является гораздо худшим преступлением. Взять хотя бы одного из ваших предшественников. У него не хватило духу взорвать в Лос-Аламосе бомбу вместе с создателями. И она взорвалась в Хиросиме.

– И он... И что вы с ним сделали?

– Ничего. Он сам прекратил свое существование. Ушел в Массив. Вам надо очень точно взвешивать свои поступки и во всем советоваться со мной. Не вздумайте вмешиваться в «большую политику», навязывать людям свой образ мышления, угрожать им. Галактика не одобряет прямого диктата.

– Что ты называешь Галактикой?

– Две цивилизации сверхзвездных, четыре – околос звездных, восемь – планетарных.

– Всего четырнадцать.

– Считая с вашей.

– Что ж... благодарю. Итак, что я должен буду делать?

– Привыкайте к себе. К новым способностям. Избегайте Массивов. Не сочетайтесь с Биопотенциалом, уклоняйтесь от прямого контакта с человеческим сознанием и не скачивайтесь в микростадию, тогда и малое станет Массивом. Поймите, ни мы, ни вы не

всесильны. Мы будем очень сожалеть, если вы перестанете функционировать. Помните, транспереход требует очень большого количества энергии, так что учитесь регулировать ее запасы.

- Считать я умею.
- Порой на это отводятся наносекунды.
- Нано – это сколько?
- Это мало. Очень мало...

* * *

Долго-долго тянулся майский рабочий день в управлении завода «Реммехмашточбыт». В коридорах царило мерное гудение далеких станков и вентиляционных установок, порою вдали гулко ухал паровой молот. В широко распахнутые ворота завода поминутно въезжали и выезжали грузовики, автобусы и легковые машины, вздымая тучи пыли и заставляя морщиться и фыркать старичка-охранника, порою пробуждая его от вечной полудремы и заставляя поводить по сторонам подслеповатыми глазами.

Заводик этот, подчиненный Минразнопрому, охотно выполнял заказы иных министерств и ведомств, предприятий и организаций, а также отдельных граждан. Не брезговал он контактами с оборотистыми галантерейными цехами, клепал совочки для Минкоммунхоза, партии «фирменных» пуговиц и заклепок для ателье индпошива, безотказен был по части разовых заказов, всеяден в отношении сырья и оборотист в финансовых вопросах. Здесь всю работу выполняла нелегальная мастерская по изготовлению гробов, крестов и оградок для кладбищ. Тихой сапой исправно выполнял и перевыполнял никем не предусмотренные планы цех по изготовлению стальных дверей и оконных решеток, которые устанавливала своя же аккуратная и расторопная служба сервиса.

На многочисленных складах заводика, в его цехах и филиалах громоздились сталь и прокат, древесно-слоистый пластик и оргстекло, алюминиевые профили и искусственная кожа, термопластопараты, полиэтилен, краска и бог знает что еще. Ибо завод этот выпускал абсолютно все, что требовалось его многочисленным заказчикам. От алюминиевых ложек до подносов с котятками, от пластиковых сумок до грошовых подстаканников, от брошек и пуговиц до цветочных и детских горшков.

Но гораздо большие дивиденды получали его хозяева от продажи получаемого сырья заинтересованным «родственным» предприятиям, оформляя это сырье как изготовленную продукцию, что позволяло не только греть руки, но и ходить в передовиках. Короче, для умных людей это место было золотым дном, а глупые там попросту не приживались.

Поразительно, до чего слабое создание человек! Да, конечно, он венец творения, царь природы, он мера всех вещей, и прекрасен он, и звучит гордо. Но от той же самой природы, он унаследовал мощный инстинкт продолжения вида, тесно переплетенный с инстинктом самосохранения. И, продолжая вид свой, должен он обувать и одевать его, сытно и сладко кормить, растить, учить, лечить, вывозить на отдых, на что требовались средства, превышающие зарплату родителя. И если не мог он найти легального способа ее повышения, то... Инстинкт самосохранения вопил: «Остановись! Попадешься же!..» И он робел и отдергивал искушающую его длань. Но время шло, и мало кто попадался. И инстинкт продолжения вида демонстрировал ему подприлавочные богатства и окружающих, которые благоденствовали, втихомолку нарушая законы, да и жене хотелось, чтобы «все было, как у людей».

И некогда честный труженик исправно выплачивал своему начальству ежемесячную дань в размере четвертной. За это ему платили приличную зарплату, он «входил в долю» или просто получал возможность «левачить» в рабочее время.

Директор Исмаил Низамов на предприятии работал уже давно. Так давно, что уже пустил корни, обзавелся влиятельными друзьями на всех уровнях и, видя полнейшую безнаказанность, привык чувствовать себя истинным хозяином своего обширного производства. По его рекомендации не только выдвигались кандидаты в орденосцы, но и секретари партбюро, и профсоюзные работники; раболепных и старательных он награждал, «демагогов» и растяп решительно увольнял. Его стараниями все проверки находили на предприятии полнейшее благолепие, профсоюз занимался путевками, опасаясь потревожить покой своего шефа какой-либо деятельностью. Так что до поры жизнь этого «хозяина» была прекрасной.

Однако в тот солнечный майский день директор был мрачен. Во-первых, его слегка мутило, как он подозревал, от несвежей кеты. Во-вторых, раскалывалась голова после выпитого вчера «мартини». Опохмелиться было невозможно, ибо сегодня ожидался гости из райкома, которые должны были проверять совершенствование идеологической работы на предприятии. И хотя вопросник ему, как водится, представили заранее, и трудились над ним две недели лучшие умы завода, и подготовлены были красные уголки, и в столовой все готовилось к банкету, да и с планом у завода все было в порядке, но какое-то неясное предчувствие беды занозой сидело в душе директора, зримо отражаясь на его настроении и выплескиваясь на окружающих угрозами и вульгарной бранью. На утреннем совещании он неистово кричал на начальников цехов и отделов, обложил матюгами немолодого, затюканного главного инженера и ударом своего увесистого кулака сломал свой же новенький полированный стол. Подчиненные трепетали, боясь поднять глаза на своего свирепого шефа, который, раскрасневшись и выпучив глаза, удивительно напоминал шипящую, ежесекундно готовую взорваться гранату.

Нагнав достаточно страху на подчиненных, директор поостыл и принялся просматривать пухлые папки отчетов.

Низамов был умным, внимательным человеком. Прекрасный аналитик, психолог и экономист, он имел цепкий, хорошо натренированный мозг, легко разбирался в людях, а еще лучше в цифрах. С проворством, достойным лучшего применения, он улавливал все витающие в воздухе новшества, высчитал, что они могут принести производству и лично ему самому, и запускал их в дело, либо, до последнего тормозил, соображаясь с новыми веяниями. Так, он вовремя сообразил, что спасти его насквозь проворовавшееся предприятие могут только новые условия отчетности, и настоял на проведении эксперимента, который позволил бы ему за два-три года основательно замести следы прошлых проделок, а заодно избавил бы от придирок и «мелочной опеки». Убытки и недостатки можно было бы списать в счет издержек эксперимента, достижения же позволили бы заводу попасть в большую прессу, а его руководству снискали бы лавры новаторов и первопроходцев.

Однако эксперимент требовал строгой ежемесячной отчетности по основным показателям. Все данные поступали в вычислительный центр, который обрабатывал информацию и выдавал банку разрешение отпускать суммы за проданную продукцию. Малейшая ошибка грозила катастрофой. Вот почему директор так тщательно проверял все отчеты, особенно квартальные.

Просматривая отчет планово-экономического отдела, директор подозрительно нацелился на одну из цифр, прижал ее пальцем, что-то быстро просчитал на калькуляторе и с ненавистью воззрился на начальницу планового отдела. От его взгляда у пожилой женщины, дорабатывающей последний год до пенсии, душа ушла в пятки.

– Дура! – свистящим шепотом сказал директор. – Старая стерва! Ты что, всех нас погубить решила? Ты что здесь рисуешь?! Что подписываешь? Что мы реализовали больше, чем выпустили? Ты соображаешь своей дурной башкой, что это значит?..

– Ис-смаил Гусейнович, я... я еще не успела просмотреть... – робко лепетала начальница. – Это... Бабаев данные готовил... Но я еще позавчера ему говорила, чтобы он приплюсовывал остатки и рыночные заказы...

– Ты... подлая тварь! Старая... – загремел директор. Он не стеснялся в выборе выражений с подчиненными, напротив, любил ошарашить женщину матерным словом. – Ты даже не соображаешь своими куриными мозгами, что ты дала мне на подпись! То, что из нас душу бы вытряхнули – это полбеда. Но за что должны страдать люди? Простые, рабочие люди, которые от зари до зари вкалывают у станков?!

Низамов никогда не забывал, что и сам начал карьеру у станка, затем благодаря отцовским связям и личному упрямству пролез в техникум, в институт, стал начальником цеха, отдела, директором завода... Он понимал, что рабочий, начав жаловаться, всегда получит предпочтение перед ним, а посему, измываясь над инженерной братией, он никогда не забывал покрасоваться заботой об обворованных им же рабочих.

* * *

Руслан Тимурович Бабаев был старшим экономистом в плановом отделе завода. Пусть вас не вводит в заблуждение приставка «старший». Все прелести ее выражались в дополнительных нескольких рублях, которые прибавлялись к скольким-то рублям ежемесячного оклада, из которых после уплаты налогов и взносов в добровольно-принудительные общества осталось чуть больше эквивалента американских 100 долларов, из которых к концу месяца даже при самом экономном расходовании вовсе ничего не оставалось. Взгляните на этого очкастого, рано оплешивевшего, рано постаревшего человечка, который с утра до вечера сидит над бумагами, подсчитывая бесконечные колонки цифр. Посмотрите на его сутулую спину, бесцветный взгляд из-под уродливых типовых очков, на его кургузый пиджачок и куцые брючки, к которым никогда не прикасалась женская рука, на безвольный его подбородок и белые, короткие ручки, – и вы никогда не пожелаете такого друга своему сыну и такого мужа своей дочери.

Он сидел, уткнувшись в расчеты. Но мысль его витала далеко. Это была его маленькая тайна. Он умел с деловым видом размышлять о своем и отдыхать душой, пока его рука испещряла расчетами черновики. Простим ему этот грех, хотя бы потому, что в остальное время он исправно тянул работу за весь отдел. Когда просили, он помогал трудовикам, когда надо – бухгалтерам, нормировщикам, помогал цеховому начальству сводить концы с концами, помогал складам, помогал... Но кто бы ему помог?

Секретарша влетела в отдел с криком:

– «Бабушка», к директору!

От этого крика у всех девушек отдела томительно сжались сердца, ибо быть вызванным утром к директору считалось худшей из возможных неудач.

Руслан Тимурович покорно поднялся, протер очки и одернул пиджачок, машинально приводя в порядок бумаги, лежавшие на столе. За этим столом он сидел уже добрых пятнадцать лет, и за все эти годы его ни разу не назвали по имени, ни по отчеству. Просто «бабушка». Наверное, это слово навяло девочкам плаксивое выражение одутловатого лица, робкий, незащитный взор, или ручки с черными нарукавниками, привычно прижатые к груди. Руслан Тимурович не думал обижаться на это прозвище, оно прилипло к нему с детства.

Пока он шел по коридору, секретарша Стелла торопливой скороговоркой сообщила ему, что «шеф ужасно злится», что «он в экстазе», и успела спросить: «Что ты такого мог натворить?»

Войдя в просторный, выложенный полированными панелями красного дерева кабинет директора, Бабаев оробел при виде тридцати-сорока человек, сидевших понуриив головы и разом обернувшихся при виде его. В центре за покосившимся столом восседал Низамов и сверлил шошедшего взглядом. В кабинете висело молчание.

– Вызывали, Исмаил Гусейнович? – едва слышно спросил Бабаев.

– Да, я вас вызывал, – спокойно ответил директор. – Простите, может быть, мы вас отвлекли от вашей важной работы?

– Нет-нет, ничего... – смутился экономист.

– Ах, ничего, значит, нам можно будет задать вам несколько вопросов... – улыбка директора, не предвещала ничего хорошего. – Скажите, Бабаев, как по вашему, что это такое? – взвесив в руке папку, директор уронил ее на стол.

– Наверное, мой отчет, – улыбнулся Бабаев.

– Он еще смеется! – ухмыльнулся директор. – Веселый ты парень, как я погляжу! Нет, дружок, это не просто твой отчет. Это – зарезанная квартальная премия, это проверки и ревизии, которые всем нам не дадут, это звание «предприятие высокой культуры», которое нас снимут, это «Знак качества», который не дадут сервису, это новые квартиры, которые дадут не нам, а другим заводам, где работают не такие оболтусы, как ты! Это, наконец, тринадцатая зарплата и просто зарплаты шести сотен людей, которые должны страдать из-за тебя с твоей бывшей начальницей!

– Но Улдуз Акперовна здесь вообще ни при чем! – воскликнул Бабаев. – Отчет она не проверяла, а составлял его я. Но, по-моему, я его правильно составил...

– А, может быть, ты еще всех нас поучишь, как надо составлять отчеты? – задрожал от гнева директор.

– Да не надо их вообще «составлять», – Бабаев беспомощно оглянулся на присутствующих, будто ожидая от них поддержки. – Это же простая арифметика. Надо просто посчитать и записать. Где надо – прибавить, где надо – отнять. Понимаете? Где надо, а не где хочется. Кого нам обманывать? Себя?

– Выходит, ты один у нас честный... – побагровел директор. – А мы тогда кто, по-твоему? Кто?

Бабаев стоял, понуриив голову. Кровь толчками стучала в висках, сердце неистово колотилось.

– Кто, я тебя спрашиваю? – рявкнул директор. – Мы, по-твоему, воры, да?!

Губы экономиста задрожали, и он согласно кивнул головой.

Низамов вскочил с места, повалив стол, но успел прихватить массивную хрустальную пепельницу и с размаху запустил ее в Бабаева, который стоял у двери ни жив, ни мертв. Однако у самого его носа пепельница вдруг вильнула в сторону и, грохнувшись о дверь, рассыпалась на мелкие кусочки.

Перепуганный экономист выскочил за дверь и в изнеможении прислонился к стене, чуть не падая. Из кабинета неслись ругань и угрозы в его адрес.

Неожиданно Стелла вбежала в кабинет с криком:

– Приехали!

Директор выбежал из кабинета и поспешил навстречу дорогим гостям.

Стоя у стены, Бабаев почти физически ощущал топот коротких директорских ног по полу, гудение ступеней лестницы под тяжестью десятипудового директорского тела.

Лестница была типовой, изготовленная из несортowego бетона, армированного ржавой проволокой. Уже более десяти лет она томилась, соединяя этажи, терпя топот сотен человеческих ног. Она была заплевана и загажена окурками тысяч толкачей, слетавшихся сюда в поисках дефицита, который можно было раздобыть только здесь и только за наличные деньги. Эта лестница на двух прутках держала собственную неимоверную тяжесть, ступени

ее содрогались, трескался цемент, замешанный на невероятном количестве песка, и... Одна из этих ступеней вполне могла бы отвалиться, если чуть усилить вибрацию, расцепить тесно сжатые молекулы, не противиться образованию щели, а пустить ее расширяться... Лестница натужно загудела, провожая директора.

– Девочки! – завизжала Сонька, влетев в отдел. – У нашего «бабушки» сердечный приступ! В приемной лежит! Наш бегемот на него наорал, а он...

Весь отдел обожал чудаковатого, безропотного «бабушку». Женщины подкармливали его домашними блюдами, дарили ему на праздники всякие вещицы, нужные для домашнего хозяйства. Но ни одна из них не согласилась бы связать с ним свою жизнь даже под угрозой вечного девчества.

Руслана Тимуровича принесли в отдел, уложили на стулья, брызнули ему в лицо водой, растирали духами виски и грудь, резко запахло валерьянкой. Спустя некоторое время он очнулся, открыл глаза и слабым голосом спросил:

– Как... директор?..

– Ой, ужасно, упал на лестнице, повалился прямо на комиссию, руку сломал, головой треснулся. Сейчас его «скорая» увезла, а комиссия партком трясет...

Бабаев со стоном закрыл лицо руками и сказал себе: «Поздравляю вас, господин резидент. Свой первый рабочий день в новой должности вы начали с того что изувечили человека!..»

* * *

Это было жутко увлекательно: быть чем-то. Причем, просто чем-то таким мертвым, недвижимым, бесчувственной вещью, осознающей себя как существо, как личность, обладающей свободой воли и выбора, управляющей всеми молекулами своего тела.

Очень странно было чувствовать себя... хотя зачем же «чувствовать»? – быть гвоздем. Большим, красивым куском металла, вонзенного в холодный бетон стены. Чувствовать вибрацию от рокота проезжающих по улице машин, мерно сотрясаться, резонируя с далеко прокатившимся поездом метро. Не вероятно, но мельчайшие частицы железа обладали даже своей, атомной «памятью».

Атомы «помнили» те далекие времена, когда были просто куском невзрачного бурого камня, мимо которого проскакивали белки, и робко обнюхивали его влажными ноздрями осторожные лисы. Потом этот камень вместе с другими подобрали и отправили в огненную купель, из которой частицы вышли уже слитыми воедино и стали колесами паровоза. Они долго крутились, отсчитывая миллионы километров на узкоколейке, пока их вновь не переплавили и не выковали мощную боевую машину. Она носилась по полям сражений до тех пор, пока не попала под залп вражеских орудий и не превратилась просто в грудку искореженного железа. И вновь его переплавили и превратили в броню в проволоку, проволоку в гвозди, один из которых много лет тому назад сам Рустам Тимурович с трудом вогнал в стену, больно пришибив при этом палец, и повесив на него любимую мамину картину: шишкинских «Медведей»...

Необозримое море информации было заключено в молекулярных цепях куска проволоки. Гвоздь был заключен в раз и навсегда данную ему форму. И в общем-то менять ее не собирался. Но вдруг ему показалось, что стена слишком уж тесна, чересчур уж сдавливает его и без того шуплое тело, да и шею под шляпкой натерло веревкой за истекшие годы. И если он действительно свободный и независимый Гвоздь, то что может помешать ему освободиться?

Стена задрожала от далекого взрыва в карьере. От этой дрожи пришли в движение атомы, заключенные в молекулах железа, слегка раздалились, вновь сжались, еще раз расшири-

лись... веревка тянет все сильнее, готовая выдернуть его из стены, слегка согнем шляпку... поздно!

Картина упала со стены, стекло разбилось, рама хрустнула, и далеко в сторону откатился старый проржавевший Гвоздь. Прямо к ногам человека, который в неестественном оцепенении лежал, вытянувшись в кресле, и почти не дышал.

Гвоздь вновь стал куском металла, а человек приоткрыл глаза, застонал и устало провел рукой по лицу.

– Хорошо, хозяин, – информирует его Фляр. – Вы делаете успехи. Но, предупреждаю, избегайте предметов, лишенных работы, полезной нагрузки, как этот выскочивший гвоздь. В состоянии покоя и упорядочивания тело не может приобрести достаточно энергии, чтобы совершать действия. Это особенно опасно, не накопить сил для новой транстипизации.

– А что случится, если я, скажем, войду в какую-нибудь бактерию?

– В биопотенциал? Ни за что на свете! Ведь в нем гравитационные поля неуправляемы. Вы даже не ощутите, как погибните.

– А можно еще что-нибудь попробовать?

– Конечно, я слежу за вами.

Бабаев поглядел на подоконник и глубоко вздохнул, сосредотачиваясь... Какая-то часть его мозга испускала направленные, должным образом закодированные волны, которые несли в себе колоссальный запас информации. Они воздействовали на атомные составляющие любого избранного предмета – и он «оживал», исполнял любые желания повелевающей им личности. Быть чем-то означало обладание величайшей властью в мире, властью над миром вещей, предметов, а значит, и... людей?

Подоконник был стар и треснут. Сделанный горе-плотником из сырой, подгнивающей сосновой доски, он был перекошен и образовал у стены большую щель, в которую нещадно дуло. Этот подоконник также помнил много интересного. Он помнил себя еще деревом! Еще недавно по нему скакали лесные пташки, почесывал об него свою могучую спину медведь-шатун. Помнил он и то, как рос, как струились живительные соки по его клеткам, как ласково пригревали его солнечные лучи, как впитывал он всеми своими пораами весенние ливни.

И вновь он стал оживать, вдыхая водяные пары, восстанавливая в себе силы расти и множиться. Набухнув, он заделал щель в стене, зарастил трещину и почувствовал, что при желании мог бы пустить побег... Но не сейчас...

Сейчас на подоконник опустилась пушинка одуванчика. Она дремала. От роду ей было несколько дней, она совершенно ничего не помнила и не желала думать ни о чем, кроме самой себя. Несмотря на свою крохотность, она была во много раз сложнее любых вычислительных центров. В тесно сжатых хромосомах, в переплетенных спиральях нуклеиновых кислот был закодирован механизм развития целого вида живых существ. Он спал, ожидая лишь благоприятных условий для того, чтобы набухнуть под воздействием влаги и тепла, раскрыться, ощутив сладчайший миг проникновения в почву, пустить корни, устремить навстречу солнцу свои крохотные ростки...

– Хозяин! Выходите немедленно!

– Погоди, погоди... – он медленно приходил в себя.

– Я ведь предупреждал вас о биопотенциале.

– Я понял. Но мне хочется побыть в нем еще немного. Ведь это всего лишь пушинка, я с ней справлюсь.

Пушинка оторвалась от подоконника и полетела по ветру. Она быстро овладела законами аэродинамики и, двигая волосками, как парусом, вылетела в окно, покружилась над улицей и устремилась в открытую форточку напротив...

...и, мягко кружась, опустилась на тонкое шифоновое платье, которое в эту минуту гладила молодая женщина. Горячий утюг ненароком задел пушинку, она моментально обуглилась и сжалась от нестерпимой боли, пронзившей все ее существо.

– Хозяин!..

Платье медленно расправляло складки, млея от прикосновения утюга. Оно пропитывалось теплом, довольством, покоем. Нежные, заботливые пальчики аккуратно проглаживали каждую оборочку, каждый завиток кружев...

– О, хозяин! Вы были на волосок от гибели.

– Я понял.

– У меня от волнения перегрелся бок.

– Скажи мне, Фляр, а ты... живое существо?

– В вашем понимании не больше, чем любая вещь. Но теперь-то вы понимаете природу вещей?

– О, да...

Женщина надела платье и подошла к шифоньеру, разглядывая в зеркало свою ладную, стройную фигуру. Она обработала платье антистатиком, и оно перестало липнуть, зашевелилось, зашуршало, заиграло складками...

Женщина залюбовалась собой...

– Хозяин! Что вы де...

– Т-с-с!

Да, она действительно хороша собой. Ей двадцать шесть лет, а выглядит она на восемнадцать. Она еще долго будет выглядеть так, и долго еще проходящие мимо мужчины будут бросать ей вслед пылкие взгляды, и набиваться в друзья, и приглашать в рестораны... А затем неожиданно и явственно проступят морщинки в уголках рта, и складки на лбу, наглым и озлобленным станет взгляд. Лала-пери, Лала-джан, Лал-Лала... «Яхонтовая»... «Боже-ственная»... Какими только эпитетами не именовали ее многочисленные поклонники. И порой самой себе она казалась прекрасным и возвышенным существом в окружении восторженных почитателей. Невероятные, удивительные сны навещали ее по ночам, десятки тысяч перевоплощений порой испытывала она, когда сознание ее дремало. Но приходило утро, и она глядела на себя в зеркало и видела ту, кем она, в сущности и была – элегантным и дорогостоящим предметом для мимолетных развлечений так называемых сильных мира сего...

В это мгновение Лала вздрогнула и обернулась. Ей вдруг показалось, что за ней кто-то пристально наблюдает, ехидно при этом посмеиваясь. Нет, в комнате никого не было. Золотая клетка, в которую ее поместил последний щедрый хозяин, была надежно изолирована от внешнего мира. В ней было выставлено много добра, записанного на ее имя, а еще больше спрятано в различных тайниках, но все это не принадлежало ей, как, впрочем, и она сама. Но никто посторонний сюда проникнуть не мог. И тем не менее она отчетливо чувствовала на себе взгляд. Но теперь он казалось, исходил откуда-то изнутри, из глубины ее естества. Кто-то чужой поселился в ней и видел ее насквозь, проникал в самую сокровенную глубину ее души...

Лала вцепилась в волосы и застонала, мучимая невыносимой душевной болью. Она видела себя снаружи и изнутри. Сознание ее раздвоилось, два начала вступили в яростную борьбу. Скрестились волны биотоков и повели бой за овладение взбунтовавшимися участками головного мозга.

Женщина корчилась в судорогах, каталась по полу, раздираемая невыносимой, мучительной болью, а Сознание массивированной атакой обрушилось на незванного пришельца, загнало его в самый дальний участок мозга и готовилось завершающим ударом окончательно уничтожить его...

– Лалка!.. Милая! Что с тобой? – хозяин, ее здоровенный, тучный хозяин, вбежав в квартиру, глядел на нее с изумлением. – Ну? Что стряслось? С ума сошла?

И все неожиданно быстро окончилось. Некто исчез бесследно, оставив ее наедине с собой и с человеком, чью руку охватывала массивная гипсовая повязка. Низамов долго глядел на нее упорным, выжидающим взглядом. Лала поднялась, тряхнула головой, провела рукой по волосам и усмехнулась.

– Где это тебя угораздило?

– Меня?.. – он взглянул на повязку. – Пустяки. На лестнице вчера оступился. А ты чего орала?

– Сама не знаю... – прошептала она, неожиданно всплакнув. – Будто какой-то страшный сон...

– Опять сон?.. – возмущается он. – Ведь я тебе говорил, что эти дурацкие сны тебя до добра не доведут. Хочешь, свезу тебя к одному профессору?

– Зачем? – устало улыбнулась она. – Мне ничего не надо. Ты со мной. Значит, все хорошо. А сны мои пусть тебя не пугают. Должно же у меня быть хоть что-то мое?..

* * *

– На сегодня хватит, хозяин. Я перегрелся.

– Извини.

– У меня вылетело два блока. Самому их синтезировать не удастся. Придется заказывать новые.

– Мне очень жаль...

– Доставлять их придется на звездолетах. Расход энергии составит восемьсот миллиардов эргов. Тебе, конечно, эта цифра ничего не говорит...

– Ну прости, я не хотел...

– А ведь я предупреждал, что самое опасное – это прямой контакт с человеческим сознанием. Это не просто биопотенциал, а настоящая микровселенная. Их сознание построено на совершенно ином принципе, чем наше.

– Но я... ведь я тоже человек!

– До определенной степени.

Мы подразделяем имена существительные на одушевленные и неодушевленные. Первые – это живущие, обладающие инстинктами, желанием жить, производить потомство, радоваться свету, солнцу, воздуху. Вторые – это предметы, навеки заключенные в раз и навсегда данную форму. Это камни, вода, деревья. Но справедливо ли могучее, цветущее дерево считать неодушевленным? Разве оно проще и мертвее мелкого, злобного вируса? Разве мертва звезда, источающая потоки квантов, в муках рождающая свет и энергию? Разве можно считать неодушевленной мать всего сущего, нашу планету?

Человек присвоил себе нашу миссию быть мерою всех вещей. А может ли вещь быть мерою человека? Разложим тело человека на атомы и получим набор несложных химических элементов. Выстрелим ему в сердце и получим из существа одушевленного обычную неодушевленную вещь, труп. Или проведем несложную операцию и вживим установку транстипизации – и получим тот же труп, только ходячий...

– Вы преувеличиваете, хозяин. Никто и не думал вас убивать. Напротив, без нашего вмешательства вас бы просто не существовало. Наш резидент трудился над вами несколько ночей.

Ассоциация давно наблюдала за планетой Земля. И функцию резидентов исполняли на ней и роботы, и люди. Один из них, талантливый врач с серо-стальными глазами и чистыми, холодными руками, произвел двадцать восемь лет тому назад операцию на доставленном

в больницу ребенке. Она была необходима, ибо ни роботы, ни люди в качестве резидентов Ассоциации уже не удовлетворяли. Требовались киборги – существа с телом человека и способностями машины. С тех пор за одиноким, суетливым, маленьким человечком велось тщательное наблюдение, и когда потребовалось, машину задействовали.

– Лицемеры... – бормотал Бабаев, тщательно соизмеряя силы перед прыжком из одного обличья в другое, – какие же вы лицемеры! Как старательно они меня уговаривали!..

– Вам не хотели наносить психическую травму! – оправдывался Фляр. – Осторожнее с этим мячом, он порванный... Попробуйте перепрыгнуть к бельевого веревке... Вы должны были дать согласие совершенно сознательно, полностью отдавая себе отчет в важности принимаемого вами решения. И вообще, ни одно неодушевленное существо не сможет управлять потоками гравитонов...

Гравитоны – мельчайшие частицы и одновременно волны, которые свойственны всему существу во Вселенной. В ничтожных объемах их может быть заключено колоссальное количество. Сочетаясь, они образуют поля. Должным образом закодированные, они могут менять структуру веществ, подчинять ее себе.

Установка, вживленная в Бабаева, подчиняясь биоэлектрическим сигналам мозга, испускала направленные потоки гравитонов. Тело резидента было лишь придатком сызмальства измененного и приспособленного к установке мозга, мозг был придатком установки, а та, в свою очередь, была придатком целой системы слежения за развитием человеческой цивилизации. Вот что значило – быть вещью.

Пучки гравитонов испугано метались от бельевого веревки к балкону, от него – к полу, к двери, к стулу с обломанной ножкой, к креслу – и лишь от него к человеку, неподвижно лежавшему на полу.

Человек приподнялся, с трудом добрался до дивана, упал в его жесткое, скрипучее лоно и застонал, всхлипывая, глотая слезы, кусая губы от отчаяния.

Человек, который был чем-то...

II. Что-то и кто-то

Утром следующего дня, когда Руслан Тимурович, как всегда, к восьми утра явился на работу, его вызвал к себе начальник отдела кадров Александр Павлович Павелецкий, человек с круглым, гладким лицом и вкрадчивыми манерами, отзывавшийся на броское и экзотическое прозвище «Сан-Паулыч». Усадив Бабаева на стул, он тщательно прикрыл за ним дверь и сел напротив него, сложив белые пухлые руки ни округлом брюшке. На лице его играла кроткая и в то же время снисходительная улыбка. От его ласкового, участливого взгляда Руслан Тимурович отчего-то покраснел и потупил взор.

– Ну-с, – негромко сказал Сан-Паулыч, – сами увольняться будем или как-с?..

– П-простите, – запинаясь, пробормотал Бабаев, – но я... не понимаю...

На его вопросительный взор Сан-Паулыч развел руки и возвел очи горе с видом безграничного сожаления.

– Имеем указания, – пояснил он. – Так что ты подмахнул бы заявленьице подобру-поздорову. А то ведь сам знаешь, какие они... Им недолго и статеечку привесить.

И напомнил «бабушке» о допущенном им полгода назад опоздании на работу. Случилось это по вине опоздавшей электрички, однако тогда из толпы, текущей по проходной, директор избрал именно Бабаева для «выпуска паров» и клял его битых полчаса, а потом, рассвирепев от робкого возражения, влепил выговор и лишил премии. Сан-Паулыч был абсолютно согласен, что все это, конечно, дико, чудовищно, несправедливо, но всё равно, опоздание осталось опозданием. На служебном языке этот проступок именовался «нарушением трудовой и производственной дисциплины». В наказание за это администрация имела право послать нарушителя мести улицу и копать канаву, или уволить его по статье, с которой его не примут даже в ассенизаторы. Мимоходом показал даже решение профсоюзного комитета, который не возражал по поводу любого из этих решений. Но, подчеркнул он, наш директор, жалея тебя, готов согласиться на увольнение по собственному желанию.

Бабаев улыбнулся. Милосердия в директорском решении было немного. Скорее всего, он просто решил подстраховаться против возможного жалобщика, тем более располагающего немалыми аргументами по поводу его махинаций. Как по мановению волшебной палочки, на свет появился бланк заявления с размашистым директорской резолюцией. Его оставалось только подписать. Что Бабаев и сделал.

В отделе ему сочувствовали, но не советовали связываться с судом. Что ни говори, а именно Низамов отдедал здание суда плиткой, мраморной крошкой, пластиковыми панелями, алюминиевыми дверями и окнами. Он был предусмотрительным человеком и подстраховывал себя на всех уровнях.

Попрощавшись с девочками и своей начальницей, Бабаев сложил в портфель свои книги и справочники по экономике и планированию и вышел из отдела, чтобы уж больше в него не возвращаться. В кассе его уже ждали расчетные деньги, премия и даже тринадцатая зарплата. К одиннадцати часам утра он покинул завод. Его согревала лишь мысль о том, что раз уж для него наступила новая жизнь, то и трудовую деятельность пора начинать по-новому.

Очень непривычно для него было среди бела дня, вместо того, чтобы сидеть за своим выдавшем виды, покарябанным столом, вдыхать свежий утренний воздух, ароматы свежескошенных клумб, с каким-то новым чувством озирать пробуждающуюся природу, слушать пение птичек и тарахтенье газонокосилок.

Сидя на лавочке, он прислонился к фонарному столбу.

Это был совершенно новый железный столб. Он мог простоять века, если бы был достаточно глубоко вкопан. Кроме того, он был выкрашен. Его сладко щекотала мысль, что

часть своей краски он оставит на плаще сутулого человечка, имевшего неосторожность к нему прислониться. А кроме того, он сурово и непреклонно исполнял свое главное предназначение. Он нес миру свет. Правда, ночью свет почему-то не зажигался, зато днем горел в полную силу.

Источником света служила большая, продолговатая, сиреневая лампа.

Лампа также была очень молодой. Ей отроду не было и нескольких месяцев. Но с самого дня рождения она была неизлечимо больна. Выпущена она была в конце квартала, стекло для нее варили с грубейшими нарушениями технологии, стенки изобиловали микроскопическими трещинками и кавернами, которые с пугающей неизбежностью пропускали воздух и выпускали драгоценный инертный газ. Спираль ее из последних сил испускала фотоны, но вместе с ними теряла и драгоценные электроны из своей хрупкой вольфрамовой оболочки. Неожиданно в цепи скакнуло напряжение – и лампа лопнула, брызнув осколками на шляпу скорчившегося внизу человека...

На какие-то доли секунды Руслан удержался в усике, торчавшем из цоколя. Но усик быстро остывал на свежем прохладном вет... (но-но, никакого ветра! Это же Массив!) И облачко гравитонов переместилось в длинный гудящий провод.

Провод протянулся на многие километры. Тяжелыми узлами оплетал он фарфоровые изоляторы, тщетно пытался согнать садившихся на него голубей и всем своим многожильным телом ощущал мощный поток мчавшегося по нему электричества...

В первые наносекунды Руслан растерялся и даже не осознал, что с ним, собственно, произошло. Его сознание оказалось раздробленным на мириады частиц, которые хаотически неслись куда-то, подталкивая и опрокидывая друг друга, сталкивались, поворачивали назад и снова устремлялись вперед. Он совершенно потерялся, растворился в этом безграничном Массиве, и лишь ничтожная часть его полей беспомощно призывала к спасению, несясь с околосветовой скоростью по проводникам. Совершив несколько тысяч бешено-стремительных витков по городу, осветив окрестные села и фермы, крутнув сотни станочных валов и звякнув в трамваях, то, что оставалось от Руслана, вошло в радиопередатчик, произвело полезную работу и вылетело в пространство с потоком электромагнитных волн.

На этом деятельность новоявленного Руслана можно было бы считать оконченной, если бы несколько квантов его существа не уловил пролетающий над городом спутник.

Резиденту потребовалось несколько долгих часов, чтобы осознать себя в новом качестве, собрать растерянные силы, согреться в лучах Солнца, впитав энергию через зеркальные плоскости батарей, отведать высококалорийного питания от портативного атомного реактора, проникнуть в самые отдаленные участки своего нового тела и наконец полностью ощутить себя спутником.

Это был хороший, даже роскошный спутник, выведенный на орбиту полтора месяца назад. Он мог вращаться еще десятки лет, самостоятельно корректируя орбиту. Он стоил миллионы долларов и был горд этим. Уверенно и методично пролетал он над планетой, пристально вглядываясь в ее ландшафт. Великолепно работали все его системы, компьютер четко отрабатывал изображение, лазерный фотоаппарат уверенно фиксировал, снимал и передавал в Центр всю интересующую информацию.

В компьютер поступил приказ немного снизиться и особенно тщательно сфотографировать указанный квадрат. Да ради бога! Дальность не помеха. Такую аппаратуру, как у него, только поискать. И спутник принялся фотографировать большое зеленое поле, и летчиков, прогуливавшихся у командного пункта (он мог сосчитать даже звездочки на их погонах), и самолеты, серо-бурые громадины с красными звездами на крыльях, которые тяжело выруливали на взлетные полосы...

Опознавательные знаки его отрезвили. Спутник прекратил передачу информации и, невзирая на мольбы и проклятия заокеанских господ, приступил к снижению.

Тут неожиданно прорезался Фляр:

– Не смейте!

– А, это ты, старина, – обрадовался Руслан.

– Что вы собираетесь делать с этим спутником?

– Да вот, опуститься, кое-что подремонттировать...

– Только не на этом спутнике.

– Но почему?

– Потому что вы сажаете его на ваш аэродром. А он принадлежит другой державе.

– Ну и что?

– Это означает передать вашей стране чужие секреты. Это неэтично.

– А подсматривать за нами – этично?

– Немедленно прекратите снижение! – загромыхал Фляр. – Ваш спутник не долетит до земли. Он попросту сгорит в атмосфере.

Последний довод показался Руслану весомым. Он прекратил снижение, но напрочь заблокировал все источники информации на спутнике.

– И на будущее учтите, – выговаривал ему Фляр. – Всем свойственно почитать места, откуда они произошли. Но вы теперь единственный представитель всей планеты в Ассоциации и потому должны воздерживаться от неэтичных поступков. Как вы вообще ухитрились войти в этот спутник?

– Понятия не имею, – чистосердечно признался Руслан, – кажется, все началось с фонарного столба...

– Тяжело будет вас теперь приземлить. А вокруг, как назло, ни одного космического корабля... Хотя, подождите, я вижу какое-то тело...

Это были последние слова Фляра. Но Руслан и сам уже заметил, а вернее даже будет сказать «ощутил» каким-то неисследованным еще чувством приближающуюся глыбу. Разглядеть ее было непросто. Объект был чернее самой ночи. Он стремительно проскочил мимо Солнца. Но в яростно полыхающей короне Руслан успел различить очень вытянутый эллипсоид длиной около тридцати метров. Желая уточнить его размеры, Руслан высветил его лазерным лучом. И тем самым подписал себе приговор.

Эллипсоид стремительно двинулся к спутнику и поглотил его.

Для спутника наступили безоглядная ночь и тишина. Тело его пронзили потоки жесткого рентгеновского излучения. Его изучали. Затем мощный удар разделил оболочку спутника на части, не повредив, однако, реактора.

Несколько минут потребовалось Неизвестным, чтобы досконально выяснить устройство спутника, принципы его работы и определить примерный интеллектуальный уровень создавшей его цивилизации. Затем плотный пучок нейтронов распылил его на атомы...

* * *

Амаурина погибала.

Она констатировала это так же четко, как сам факт своего существования, потребления и переработки энергии, отправления естественных потребностей. Ей оставалось прожить еще две-три сотни лет – жалкий мизер по сравнению с тем, что ею было прожито, можно и должно было прожить. Себя она считала прекраснейшим, совершеннейшим из всех живых существ, исключая, естественно, ее богоравных хозяев. Они заботливо вырастили ее, воспитали, наделили массой знаний и способностей, за что она им верой и правдой служила. К сожалению, сейчас она уже смутно помнила их прекрасные, нежные, переходящие друг в друга лики, их одобрение и гордость за нее. Она, существо из плоти и крови, была их

единственной надеждой в немыслимо трудной борьбе с врагами, посмеявшимися не покориться величию их разума.

За долгие тысячи лет Амаурина прошла бесчисленное множество километров, видела рождение и гибель звезд, проскочила в пугающей близости от сгустка аннигилировавшей материи, благополучно пронзила центр Галактики, едва не погибнув в раскаленном месиве взрывающихся атомных ядер, дважды восставала из небытия. И вдруг так глупо, так непростительно бездарно позволила заманить себя в ловушку и попала в губительное скрещение силовых полей.

Враги беспощадно искромсали ее могучее, совершенное тело, разрушили систему ориентации и, самое страшное, повредили ее уникальный, отточенный мозг. С величайшим трудом собрав остатки терзаемого мучительной болью и страхом сознания, Амаурина каким-то чудом ухитрилась развить субсветовую скорость, перекрыла границы нового измерения и... пришла в себя лишь здесь, в совершенно незнакомом ей мире, где горели неведомые солнца, созвездия образовывали непривычные сочетания, рядом полыхала небольшая желтая звезда, а вокруг нее быстро вращалась двойная планета. Та, что побольше, была заселена.

На ней в мире и согласии сосуществовали десятки миллиардов живых организмов. Одни витали в воздухе, другие – таились в воде, третьи крепко вцепились в почву, но не двигались с места, лишь протягивали конечности навстречу сильной звездной радиации. Но на планете существовали и иные создания. Их гигантские стальные туловища двигались по океанам, проносились в воздухе между континентами или сновали по двум железным полостям, подобные гигантским гусеницам. Такие же омерзительные металлические монстры, слепо копирующие создания природы, таились под водой. Будучи живым, одушевленным существом, Амаурина возненавидела их.

За годы жизни она побывала на многих планетах. На некоторых злобные механические чудовища подчинили себе живые организмы, даже высокоразвитые, подмяли под себя, жестоко угнетали их. Были и такие, что полностью отрицали право органической материи на существование. И истребляли ее, где только могли. То были коварные и безжалостные порождения разума, запутавшегося в спиральных эволюции.

Орбитальный космический аппарат Амаурина заметила уже давно. Аппарат испускал инфракрасное, электромагнитное и слабое гамма-излучения, вероятно, в результате распада малого количества радиоактивного вещества.

Слегка насторожило ее то, что аппарат обменивался импульсами с объектами на второй, пустынной планете. Амаурина подавила разговоры. Но тогда спутник набрался наглости и высветил ее лазерным лучом. Над этим возмутительным фактом Амаурина размышляла не более четверти секунды. Спустя этот промежуток времени спутник был захвачен, а объект, с которым он переговаривался, поражен пучком античастиц. Быстро исследовав захваченный аппарат и не найдя в нем и следа органической деятельности, кроме нескольких простейших спящих бактерий, Амаурина распылила и поглотила его, не ощутив скользнувшего в ее организм пучка гравитонов. Ей было не до астрономических тонкостей. Организм ее давно истосковался по атомам редких металлов, в изобилии содержащихся в аппарате.

Амаурина устала от странствий. Не прошли бесследно и стычки с врагами, и грандиозные космические катастрофы, свидетелем которых она была. Тяжкий отпечаток наложило и исправленное пространство, в которое она ненароком забралась и с таким трудом вышла обратно. Она находилась слишком далеко от дома и давно уже не имела связи с хозяевами. На позывные они не отвечали. Следы их давно истерлись с пустынных космических тропинок. И только чудом уцелевший участок памяти бережно хранил воспоминание об их ласковых прикосновениях и дружелюбных напутствиях перед дальней дорогой.

Это было очень странное и пугающее ощущение – мгновенного и резкого провала в памяти. Амаурина старалась, но не могла вспомнить ни облака Хозяев, ни их поведения, ни

звуков, издаваемых ими. Только обожженная радиацией кожа еще хранила память о теплом прикосновении – легкий шлепок... ласка, по которой она так истосковалась.

Амаурина неплохо владела прочими органами чувств, почти полностью восстановила способность передвижения в пространстве, но абсолютно не представляла, для чего она это делает. Можно было восстановить в памяти обрывки впечатлений, но они не складывались в целостную картину. Ей так хотелось отдыха, покоя, умиротворения, блаженной бездеятельности, но врожденный инстинкт властно гнал ее на поиски чего-то... Чего? Она не представляла.

Размеренно и неторопливо совершала Амаурина виток за витком вокруг планеты, мучительно пытаясь вспомнить, что же нужно совершить, встретившись с цивилизацией такого уровня. Какие-то действия она обязана была предпринять, выполняя свою миссию, заветы Хозяев. Основной принцип ее существования заключался в том, что она должна была пересекать пространства, выискивать населенные планеты и...

Мозг ее был серьезно поврежден в стычке, рана обильно кровоточила, и хоть она и смогла заживить поврежденные ткани, значительная часть ее памяти была изолирована и напроць захоронена в тайниках подсознания.

Амаурина медленно погружалась в стратосферу планеты, проплывая над белоснежными облачными полями, пристально вглядывалась в лесные массивы, аккуратные зеленющие квадратики полей и городские кварталы.

Пятый закон ее существования властно приказывал заботиться о собственной безопасности.

Четвертый призывал приложить все усилия к исполнению первых трех законов.

Третий приказывал оберегать друзей.

Второй – неустанно бороться с врагами...

Но все они исходили из первого закона, который вылетел из памяти. А без знания его Амаурина не могла составить верного мнения о тех, кто населяет эту планету, о бесчисленных едущих, плывущих, летящих, идущих... друзьях? Врагах?..

Естество ее не протестовало против большинства из них, хоть они и существовали на иной, чем у нее, белково-углеродной основе. Более того, неказистые, четырехконечностные, полужидкие создания даже смутно напоминали ей кого-то... Но кого?

Мучимая этими томительными размышлениями, Амаурина позабыла про обычные меры предосторожности, не изменила спектра преломления лучей на оболочке и, таким образом, стала видимой как в оптическом, так и в радарном диапазонах.

Капитан Морис Периньоль совершал обычный патрульный полет на истребителе «Мираж-5», приписанном к эскадрилье N 5661, базирующейся на военно-воздушной базе Монт-де-Маршан.

В 16 часов 42 минуты 24 секунды по Гринвичу, пролетая над территорией департамента Жиронда, капитан обнаружил неопознанный управляемый летающий объект в форме эллипсоида светло-серого цвета. Объект двигался со скоростью 875 километров в час на высоте 11000 метров. Об увиденном он немедленно сообщил на базу.

– Поздравляю вас, ребята! – воскликнул дежурный диспетчер, лейтенант Анри Саваль. – Наконец-то и у нас появились летающие тарелочки! Морис, ты не видел в ней маленьких зелененьких человечков?

После того, как капитан разразился возмущенной тирадой по поводу скептиков, полковник Шарль Ле-Кресси взял микрофон и спросил:

– Капитан, вы твердо уверены, что это не оптический обман?

– Черт побери! – воскликнул Периньоль. – Я вижу ее так же ясно, как собственную антенну. Это вытянутая тарелка диаметром около тридцати метров... она меняет цвет...

темно-серая... голубая... почти сливается с небом... Черт, да она хочет меня стряхнуть. Она увеличивает скорость...

– Какое расстояние до нее?

– Полтора километра... километр восемьсот... два... Она отрывается!..

– Не приближайтесь! Держите ее в зоне видимости. Черт знает что! – в сердцах сказал полковник. – Впрочем, это может быть обычный аэростат или любительский дирижабль.

В 17 часов 34 минуты 22 секунды «тарелка» резко изменила курс и направилась в сторону Нанта. Через 8 – 10 минут она должна была пройти над районом, в котором в обстановке глубочайшей секретности велось строительство оборонного объекта.

В 17 часов 38 минут 12 секунд капитан Периньоль получил приказ атаковать объект, который до сего времени не отвечал на радиосигналы, не подчинился требованию приземлиться, несмотря на то, что оно было произнесено на общепринятом языке воздушных знаков и подкреплено несколькими трассирующими пулеметными очередями.

К сожалению, до сих пор не удалось выяснить, кто именно отдал этот приказ. Магнитофонная запись разговоров оказалась стертой именно в этом месте, а потом вообще безвозвратно утерянной. Представители военного командования, находившиеся в этот момент на базе, настаивали на том, что движимый патриотическими чувствами, Периньоль принял решение по собственной инициативе.

В 17 часов 40 минут 21 секунду капитан Периньоль произвел по объекту залп двумя ракетами класса «воздух-воздух»...

* * *

В первые мгновения Амаурина даже не поняла, что произошло. Разумеется, она давно заметила неказистый летательный аппарат, старавшийся привлечь к себе внимание. Это была тяжелая, неуклюжая машина из непрочных, плохо склепанных алюминиевых сплавов. Она передвигалась, сжигая неимоверное количество углеродсодержащих веществ. Однако настораживало присутствие в ней живого существа. Если машина использовала его мозг или биологические поля, она была вдвойне опасной.

Ракеты разбились о силовое поле. Лишь один из осколков оболочки угодил в микроскопическую точку в сплетении силовых линий и опалил кожу Амаурины жаром и яростью раскаленного металла. Этот удар мгновенно пробудил в памяти второй закон ее существования – неустанно бороться с врагами!

Врагами Амаурины и ее Хозяев были все существа, не умеющие думать, дышать, чувствовать, существующие не ради счастья существования и созидания, но для подавления и уничтожения всего прекрасного, дарованного Природой – холодные бездушные машины, восставшие против своих создателей, омертвляющие и разрушающие биологические цивилизации, захватывающие все новые и новые участки космоса.

Летательный аппарат, безусловно, был врагом, ибо он не только предпринял попытку уничтожить Амаурину, но и воспользовался при этом организмом и мозгом находящегося в нем поработанного живого существа. Ударом плотного потока частиц Амаурина распылила аппарат на атомы. Однако частицы без вреда прошли сквозь органическую ткань.

Капитан Периньоль безумным взором проводил «тарелку» и еще крепче вцепился в шелковые стропы парашюта. Органические ткани выдержали удар, но синтетический комбинезон и белье рассыпалось в прах. Капитан был наг, как Адам...

* * *

Следуя над океаном, Амаурина распылила шесть рыболовных траулеров, сухогруз, самолет «Боинг-747», выполнявший рейс Монреаль-Ливерпуль... Пролетая над территорией Канады, уничтожила завод-автомат по производству кока-колы, деревообрабатывающий комбинат, два истребителя, шесть радарных установок, одиннадцать ракет класса «земля-воздух», спутник, железнодорожный состав, вычислительный центр и бетономешалку...

В то же время в ней зародилась неуверенность в правильности своих действий. При каждом ударе по механизмам обнаруживались содержащиеся в них существа, которые мучительно напоминали ей кого-то... Врагов? Друзей? Она старалась щадить их, но они все равно гибли, падая и расшибаясь, ломая свои хрупкие кости, такие жалкие и беспомощные в руках их Вещей...

Покоривших?

Ей были известны случаи, когда разумные существа вступали в симбиоз с машинами, в целях достижения мнимого бессмертия имплантировали себе машинные органы и сами постепенно превращались в машины. Порой они, создав разумные, самообучающиеся аппараты, развязывали в них стремление к самоусовершенствованию, которое приводило к желанию освободиться от власти создателей... Но эти машины стояли на несколько порядков выше тех бестолковых и грубых образчиков, которые она так стремительно уничтожала.

Крошечный, едва уловимый червячок сомнения зашевелился в Амаурине. А что, если она ошиблась? Если не они, а им покорны железные монстры с электрическими движками и примитивными системами управления?..

Молчаливая, незримая и неощутимая, пролетала Амаурина над тайгой, над лесами и перелесками, болотами и пустошами, над озерами и реками, все пристальнее вглядываясь в лица обитателей планеты, в механизмы, которыми они пользовались, но уже не уничтожала их, а размышляла.

Она опускалась все ниже и ниже, все более и более замедляла свой полет, и наконец тяжело и беззвучно прилегла на поляну, которую с одной стороны окаймлял густой лес. С другой стороны тихо журчала речка, в водах которой плескались живые существа. При виде ее они с паническими криками бросались прочь.

* * *

Позавчера отзвенел последний звонок, и для деревенских ребятишек наступили долгожданные каникулы. Лето обещало быть жарким. Уже сейчас стояли знойные дни, правда по вечерам прохладный ветерок пробирал ознобом их загорелые тельца, но беготня, шумные игры и костры в ночном согревали их лучше, чем пиджаки и фуфайки, всученные заботливыми мамами.

Лошадей в колхозе еще держали, хотя и много указаний насчет замены их «железными конями». Да и дети обожали своих четвероногих любимцев, знали характер и норы каждого. И не было для них большей радости, чем отправиться в ночное с табуном под начальством старого конюха дяди Сени.

К вечеру поужинали огурцами, картошкой, яйцами, салом. Дядя Сеня, как обычно, принял четвертинку «первача», как он говорил, «от вечернего ознобу», и теперь заливисто храпел поодаль от компании ребятишек, которые, сгрудившись у костра, слушали страшные истории конопатого Грицко. Рассказывал он мастерски, на разные голоса, отчаянно жестикулируя и скаля зубы.

– И вот ночью... – шептал он, закатив глаза, – слышит баба чей-то голос: «Отдай, баба, мою руку!» Баба молчит. Опять: «Отдай баба, мою руку!»...

Маленький Степа заплакал.

– Хватит тебе, Грицай, детей пугать! – сердито сказал Андрюша Голованов, серьезный светловолосый мальчик лет четырнадцати. – Вечно ты со своими ведьмаками лезешь!

– А тебе какое дело?! – возмутился Грицко. – Не нравится, так не слушай! А ну, как дам леща – сразу на одно ухо оглохнешь!

И хоть Грицко был старше него на год, да и здоровее, Андрюша сразу же вскочил, сжимая кулаки. Следом поднялся и обидчик. Ребята загалдели, зашумели, предвкушая знатную драку. Все знали, что оба «гонялись» за румяной, чернобровой Аничкой, которая делала вид, что ни того, ни другого не замечает. Но начавшееся сражение было прервано неистовым ржанием коней, которые опрометью понеслись от реки.

И что-то черное, огромное, лоснящееся в лунных лучах, на мгновение зависнув, плавно опустилось на берег реки.

Тут же все пришло в движение. Кони, дети, даже пробудившийся Сеня – все помчались прочь, гонимые паническим ужасом.

И лишь Андрюша стоял не шелохнувшись.

Это походило на кита. А киты, как он знал, не кусаются. Они иногда выбрасываются на берег. И тогда их надо спасать. И хоть река их находилась далеко от моря, да и там китов отродясь не водилось, но щемящее чувство жалости, желание поддержать, помочь беззащитной зверюге переполнило всю его душу. И тут Амаурина позвала. Это был безмолвный и отчаянный зов о помощи, призыв к любому слышащему ее живому существу, достаточно развитому, чтобы принимать телепатические волны.

Слегка оробев оттого, что он «понял», Андрюша сделал шаг, другой, третий... и пошел к ней.

Мальчишки, остановившись на пригорке, смотрели на него со смешанными чувствами восхищения и страха. Он знал, что Аничка тоже смотрит на него – и это придавало ему решимости.

– Назад, Андрюша!.. – истоково завопил дядя Сеня и пальнул в воздух из дробовика.

Выстрел гулко прокатился над речкой, вспугнул сонное воронье в лесу, замер вдали, и только подстегнул замешкавшегося было мальчика.

Он преодолел последние пять шагов, поднял невероятно тяжелую руку и положил ее на гладкий, черный бок существа...

* * *

Это прикосновение пронизало Амаурину невероятным блаженством. Она вспомнила! Она полностью восстановила в памяти ни с чем не сравнимое ощущение тепла, доброты, ласки, которое исходило от прекраснейших в мире созданий – ее Хозяев.

И пробудился в тайниках ее памяти заглушенный скитаниями Первый Закон ее жизни: «Любить Людей и быть им послушной и верной, где бы их не встретила...» Да, теперь она не сомневалась, что на этой планете жили Хозяева. Может быть, они временно забыли о ней, может быть, утеряли даже какую-то часть своих сил и знаний, но они рядом. Амаурина вернулась на родину и не покинет ее никогда!

Она дрожала, изнемогая от наслаждения, чувствуя тепло хозяйской руки, дыша одним с ним воздухом, проникаясь его добротой и близостью.

Не отрывая руки, Хозяин обернулся к другим Хозяевам и крикнул (она затрепетала от знакомых звуков его голоса):

– Хлопцы! Скачи в деревню! Пусть в райцентр звонют! К нам марсиане прилетели!..

И от этих слов, пока не понятных, но таких простых, чистых и звонких, она заплакала...

Одна из крупных и тяжелых слезинок скатилась на траву, задев потерянный давеча теннисный мячик.

Мяч осторожно откатился к костру, обогнул его, исследовал вещи, сваленные в беспорядке: пиджаки, кнуты, книжку, котелок, хворост, подстилку и воздушный змей, который ребяташки запускали весь день.

Стараясь не шуметь, Змей высвободился из-под придавившего его рукава, ловя легкое дуновение ветерка, приподнялся и взлетел в воздух...

* * *

– Готовы? – спросил хирург Ахмедов, беря ланцет. – Итак, товарищи студенты, больной Бабаев был доставлен в больницу в бессознательном состоянии и скончался сегодня утром, не приходя в сознание. Наша задача состоит в том, чтобы, произведя вскрытие, установить причину его смерти. Вскрытие начнем с брюшной полости...

– Не надо! – жалобно завопил покойник и сел на столе, прикрываясь руками...

Студенты с воплями разбежались кто куда. Хирурга Ахмедова хватил удар.

* * *

Теперь их собралось побольше. Кроме старых знакомых Уирка и Ларга, в комнате находился еще и круглый серебристого цвета еж с длинными металлическими иглами, катавшийся по стене, посланник цивилизации снэргов. В углу примостилась замысловатой формы загогулина, которую представили как фьйорга. С самого начала разговор принял неприятный характер.

– Преступление! – вопил Ларг. – Наипреступнейшее преступление!

– Ошибка, – вторил ему Урик. – Непростительная ошибка. Вы держали в руках космический корабль иной цивилизации и отдали его в руки людей.

– Оружие! – стонет «загогулина». – Совершеннейшее оружие! Иные средства межпространственного перемещения!

– Упустить вражеского шпиона! – надрывался Ларг.

– Я всегда говорил, что он ненадежен, – вставил «еж». – Эти белковые – они все такие. Думают только о себе, стараются только для себя.

– Преступным легкомыслием было полагаться на них! – возмутилась «Загогулина». – Они же все заодно. И он заодно с нашими врагами.

– Нет, мы выясним, кто наделил его способностями к транстипизации! – разбушевался снэрг. – Это наше кровное изобретение! И кое-кто нам очень дорого заплатит за свою щедрость!

– Кому это «нам»? – ледяным тоном осведомился Уирк. – И почему это именно «вам» кто-то что-то должен?

«Еж» моментально умолк, прекратил кататься по стене, съежился и забился в угол.

Резидент с интересом следил за ними. С момента его пробуждения в морге прошло не более трех суток, а они уже собрались сюда. Не иначе, где-то поблизости у них есть еще один передатчик. Может быть, и не один. Может быть, целая база. Их беспокойство ему вполне понятно. Еще бы, чужой разведчик, даже не разведчик, а целый звездолет действовал у них под самым носом, а они... Они положились на него. Теперь им придется оправдываться перед своим начальством. А ему – перед ними.

В тоже время его не мучили ни угрызения совести, ни раскаяние в содеянном. Он был равнодушен и немного зол.

– Вы, кажется, несколько превратно представляете себе обстоятельства случившегося, – резко вмешался он. – Не знаю, что наболтал вам Фляр...

– Фльйаргар-078 прекратил передачи одновременно с вами, – сообщил Ларг. – Он в тяжелейшем шоке после лучевого удара.

– Так что же вы хотите от меня? Ни он, ни я не успели ничего предпринять, увидев звездолет. Он перехватил наши переговоры и поразил Фляра. Со мной он тоже расправился. Попросту съел меня. Мне ничего не оставалось делать, как стать частью его.

Ему показалось, что все они осуждающе качнули тем, что заменяло им головы.

– А вы бы предпочли, чтобы я вообще перестал существовать? Да, я стал частью биопотенциала. И не смог им управлять. А что тут странного? Тут с одной травинкой управляешься. А я оказался в самом сложнейшем организме на десять порядков сложнее человеческого.

– Что он представляет из себя? – осведомился фьйорг.

– Глаз. огромный, всевидящий глаз, моментально озирающий огромные пространства на всех уровнях восприятия. И одновременно мозг. Одновременно и тело, умеющее трансформироваться к любым условиям. Мне с трудом удалось закрепиться в тонком слое клеток мышечной памяти. Конечно, во всем происшедшем я играл пассивную роль. Но что мне еще оставалось делать? Если бы он заподозрил неладное, я бы не смог так мирно беседовать с вами.

Кажется, поверили. Размышляют.

– Кстати, – продолжал резидент, – я не уверен, что и вы смогли бы здесь находиться. Как я понял, этот организм враждебен машинным цивилизациям, а не гуманоидным... – и тут понял, что сказал лишнее.

– Амауреты! – взвизгнул фьйорг. И стремглав вылетел в форточку, выломав часть оконного переплета с рамой.

– Послушайте, нельзя ли поосторожнее! – возмутился Руслан Тимурович. Но его не слушали. Все всполошились. Стремглав выкатился куда-то «еж». Нервно сверкал Ларг.

– Да что вы так суетитесь? – воскликнул резидент. – Он же мертв. Умер, понимаете?

Они замерли, вслушиваясь.

– Что значит «умер»? – осведомился Уирк.

– Это значит, что чужак полностью истощил свои биологические ресурсы на уничтожение наших машин, обессиленный упал на землю и умер. Теперь от него осталась лишь гора гниющего мяса. Во всяком случае, мне так показалось.

Здесь наш резидент слегка покривил душой, искренне надеясь, что легкая встревоженность его биотоков останется незамеченной шефами.

– Его необходимо доставить на 242, – заявил Ларг.

– Сто пятьдесят семь тонн, – сообщил резидент, не сморгнув глазом прибавив целую сотню.

Эта цифра бьет их как молотом. Вероятно, грузоподъемность их кораблей не столь уж высока.

– А если разделить на части?

– Тогда грош цена всем вашим стараниям остаться незамеченными. Сообщениями о пришельце пестрят все газеты мира. Его изучает правительственная комиссия, а охраняют эту тушу войска ООН: полк истребительной авиации, бронетанковая дивизия и пятьдесят пять ракетных установок.

Его моментально прощупывают. И убеждаются, что сказанное им – чистая правда.

– Я не могу решиться на дальнейшее действие без разрешения Совета, – заявил Ларг. И исчез.

Уирк ненадолго задержался. Только для того, чтобы сказать:

Я знаю человеческую манеру сообщать то, что не соответствует действительности. Мы не успокоимся до тех пор, пока не убедимся, что разведчик амауретов мертв. Все силы, весь флот Галактики будут брошены на его уничтожение. И здесь уже жизни нескольких тысяч ваших солдат не будут играть никакой роли. Скажите, вы действительно считаете, что он мертв? Уирк концентрируется, принимая облик непонятного, жутковатого переплетения трубок, проводов и зыбкого, мерцающего каркаса. Направленные волны крепко держат мозг резидента, внимательно исследуют психические каналы. Лгать бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.